

Восп. Москва. — 1994. — 23 дек. — с. 5.
МОНОЛОГ О ЖИЗНИ

В этом доме всегда людно. В какое время ни зайдешь — обязательно напоят отменным чаем или кофе. И предложат сигарету. Но курить можно при открытой форточке только на кухне. Это правило железно для всех: и для домашних, и для гостей, сколь именитыми и уважаемыми они бы не были. Объяснение простое: здесь живет обладатель Голоса. А еще в одной из трех комнат небольшой по современным понятиям квартиры стоит рояль. Федора Ивановича Шаляпина. Это подарок хозяину квартиры Ирины Федоровны, старшей дочери великого русского певца. Можно подойти к роялю и коснуться клавиш рукой.

Час пик. Хотя окна комнаты выходят во двор, частыми автомобильными гудками дает знать о себе Ленинградский проспект. Утонув в глубоком кресле, я перебираю фотографии, натываясь на с детства знакомые лица, узнавая и не узнавая: молодая Толкунова, рядом с хозяином квартиры космонавт номер два Герман Титов. А это — с Андреем Николаевым. Здесь, кажется, Шубарин, известный танцор, вот кремлевская знать... А это?.. «Фидель», — подтверждает хозяин, усаживаясь в кресло напротив. Кастро на снимке не больше 30 лет, как и окружившим его участникам хора ансамбля Б. Александрова. Вождь кубинской революции при знаменитой бороде и в нашей армейской фуражке на непокорных кудрях — вся жизнь впереди... Я поудобнее устраиваюсь в кресле. Разговор, судя по всему, предстоит долгий и интересный. Мой собеседник и гостеприимный хозяин — Леонид Харитонов, солист хора Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии.

В одном интервью молодой Евгений Евтушенко сказал: «Я тот, кто написал «Хотят ли русские войны?»». А Леонид Харитонов — тот, в чьем исполнении эту песню узнал весь мир.

Его «Университеты»

— Родился я в Иркутской области, в таежном поселке охотников, где даже улиц не было, так — несколько домов. Отца не помню — он погиб, когда мне было восемь месяцев от роду. Мать долго хранила его окровавленную рубашку. Дед не смирился с потерей сына и отомстил убийцам самостоятельно. Во время гражданской войны мой дед был командиром партизанского соединения, воевал с Колчаком. Но самосуд ему не простили, кару отсрочили, поскольку он был крупной фигурой в Восточной Сибири, в открытую с ним ничего сделать не могли. Отправили в Игарку, изолировав таким образом от сратников, через некоторое время арестовали, навесили политическую статью и потом — это я выяснил уже будучи в ансамбле Александрова — обвинив врагом народа, расстреляли.

Мы с матерью жили у дяди. В 12 лет я убежал из дома, потому что дядя «воспитывал» меня и кулаками, и палкой — всем, что под руку попадало. Мать батрачила у дяди и права голоса не имела. Я рванул в Черемуху — большой шахтерский поселок. Жил с пацанами на вокзалах, воровал, беспризорничал. В 14 лет, выдав себя за 16-летнего, поступил в ФЗО, приобрел специальности — формовщик-литейщик и сварщик. Проработал год сварщиком на заводе в литейном цехе. И однажды, услышав Лемешева, «заболел» им. Сидели мы как-то с друзьями в Иркутске в ресторане «Сибирь», отмечали зарплату, а тогда ведь что ни гулянка, то песни. Я и запел «Ах ты, ноченька». В зале оказался директор местной филармонии. Он подошел к нашему столу и пригласил в филармонию работать.

— Что делать-то надо?

— Петь.

— П-е-е-е? Разве ж это работа? А что еще?

— Если денег мало покажется, оформим еще рабочим сцены на полставки.

Господи, думаю, и тепло, и светло...

Первое время я и жил в филармонии — в фойе. Стали меня узнавать на улице — в фойе приходили за автографами. Тогда ведь в Иркутске развлечений всего и было: кино да филармония...

А потом насобирали мне общественность деньги на билет до Москвы, вручили рекомендательное письмо, и я отправился поступать в класс для самородков при Большом театре...

Если не буду петь — пойду воровать

В Москве жил на вокзале. С Ярославского выгонять начали — переметнулся на Киевский. Там я сразу с милиционером подружился, и он стал меня на ночь в КПЗ пускать спать. Он-то меня и привез на своем мотоцикле в консерваторию (это с четырьмя-то классами...). На входе видят: милиционер — пропустили.

Привели нас в какой-то кабинет, сидел там спиной к нам мужик и слушал, как кореец очень скучно выводил: «Я вас любил». Мужик обернулся, глянул на меня. Ну, была не была:

— Я тоже петь хочу...

— Все хотят. А что ты хочешь спеть?

— «Для берегов отчизны дальней...

— Ну, давай. Только кто за тебя фа-диез брать будет?

— Ну не ты же — я возьму...

Ему, может, понравилось, что я такой грубый, неотесанный. Спел я. Он смотрел-смотрел на меня:

— А что еще можешь?

Когда я спел «Ах ты, ноченька», он и говорит:

— Ты посиди, а я пойду посмотрю...

**В консерваторию из... КПЗ**

рю, не ушел ли Свешников, потом возвращается и ведет меня куда-то по коридорам, и выходим мы — мать честная! — прямо на сцену Большого зала консерватории. Поджилки у меня затряслись. Зал огромный, а сидят всего несколько человек. И я стою на сцене, неглаженный, нечищенный, после ночей, проведенных в КПЗ, штаны на коленях — пузырями. В глотке все пересохло от волнения. Попросил из зала тощий такой, длиннолицый, издевается еще:

— Вы уж, пожалуйста, не раздумайте, спойте нам.

Спел я. Они позвали меня к себе, стали расспрашивать, кто я, откуда. Длиннолицый говорит:

— Вот профессор Любченко за вас ходатайствует...

Мужик, что привел меня, оказывается, профессор Любченко, солист Большого театра, а я его на «ты»... А длиннолицый — сам Свешников! И вдруг он говорит: «Ладно, попробуем его взять». И мне:

— Вы в самом деле четырех классов не окончили?

— Ну да.

— Это очень плохо.

— Я же не к вам приехал поступать, а в Большой театр в класс для самородков...

— Ты музыку-то будешь учить, самородок?

— Да вы только возьмите — днем и ночью буду учить... Петь хочу — жизни без этого не представляю. Не буду петь, буду воровать.

— А почему не работать?

— Воровать легче. И петь легче.

Семилетку — за два года

Почуился я месяца три.

Жил в общежитии, Любченко постоянно интересовался мной, расспрашивал, как дела. Я старался, конечно, но трудно было. На меня глазели, пальцами показывали: «ну-ка, парень, спой-ка». Свешников перевел меня на двухгодичные подготовительные курсы при Музыкальном училище им. Гнесиных, поставив условие, чтобы я за два года осилил семилетку. До лета я проучился на этих курсах, числясь на 1-м курсе консерватории, а к осени получил повестку из военкомата. Любченко вызвал к себе и дал записку к Александрову, руководителю хора Красной Армии. Послушал меня Александров и взял в хор. Это было в 1953 году. Я жил в общежитии, учился, пел. Консерваторию, правда, на третьем курсе, пришлось бросить — ансамбль восемь месяцев в году был на гастролях, но я продолжал заниматься с педагогами, мечтал стать солистом.

Проснулся знаменитым

И вот в сопровождении хора на большом гала-концерте, посвященном 95-летию со дня рождения В. И. Ленина, я спел «Есть на Волге утес». Надо помнить, что в то время значил такой концерт. Длится он больше 4 часов, транслировался по радио и телевидению. А на следующий день я, как говорится, проснулся знаменитым. К тому же солистом. В общей сложности я проработал в ансамбле 19 лет, повидал много стран, людей — про все не расскажешь... Последние двадцать два года я езжу по стране и миру один, пою русскую классику.

— Кто

ваши слушатели? Вы считаете свою публику элитной?

— Сегодня я пою старинные русские романсы и песни. Мне ближе то, что я прожил, прочувствовал. Скажем, романс «Гори, гори, моя звезда» понятен каждому. Все знают, что когда-то все закончится, и каждый хочет, чтобы после него что-то осталось, что-то продолжало светить, напоминать о прошедшей жизни. Я пою, что мне близко. Это ближайший путь между душами людей. Я пел для де Голля и Тэтчер, для... не хочу плавать по громким фамилиям — это все рекламные дела, мне этого не нужно. За границей меня часто приглашали и рабочие. Для меня все слушатели равны: и рабочие, и премьеры. Все едят хлеб, он нужен всем. Я — тоже хлеб в определенном смысле. Я везде пою. Это моя работа, мой хлеб.

— Что вас сегодня волнует, заботит, о чем душа болит?

— Конечно, о России. Ближе, роднее этого воздуха, леса, степей, этих людей, часто несправедливо и нагло униженных, у меня ничего и никого нет. Трудно это видеть: бесправие, обман, бесправие... Сегодня «человек» — звучит как-то пафосно, хочется, чтобы звучало гордо. Я призываю людей, по разуму, совести, долгу, чести, по уважению друг к другу.

Концерт заслуженного артиста России Леонида Харитонova, посвященный 40-летию творческой деятельности, состоится сегодня в помещении Концертного зала Академического детского музыкального театра им. Н. И. Сац.

Ираида СОЛО